

НИНА КРЕЙДИЧ

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И НЫНЕШНЕМ ЕГО БЫТОВАНИИ

*...Время, когда, опустевшие души калеча,
сленг иноземный сростается с феней блатной,
чтоб мародёрствовать в русской болящей речи...*

Юрий Беличенко

*Употреблять иностранное слово, когда есть
русское слово, равносильное ему, — значит
оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус.*

В. Г. Белинский

Поколение, окончившее школу в 1950–1960 годах, знало наизусть слова И. С. Тургенева: “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах нашей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!”

Тургеневу было с чем сравнить: он много лет жил во Франции и владел французским языком не хуже русского. Знал он, конечно, и немецкий язык, как любой выпускник гимназии.

А вот М. В. Ломоносов знал 11 языков и понимал ещё несколько. Ему тоже было с чем сравнить, чтобы охарактеризовать русский язык, что он и сделал: “Карл 5-ый, римский император, говаривал, что испанским языком — с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка” (из “Российской грамматики”).

А. С. Пушкин считал, что “язык славяно-русский имеет НЕОСПОРИМОЕ превосходство перед всеми европейскими”.

Современник Пушкина А. С. Шишков, который был одно время министром народного просвещения, а с 1813 года возглавлял Академию наук, писал: “Каждое вводимое в употребление чужезычное слово не только отнимает у разума свободу и способность распространять и усиливать язык свой, но и приводит его в бессилие и оскудение. Уступая всё больше и больше сей мнимой необходимости, щеголяя чужими словами, мы, наконец, перезабудем

свои, смешаем остальные с чужеземными и, растеряв в собственных словах свои корни и знания, сделаем из словенно-российского языка, из сего поднимającego главу свою из глубокой древности сторукого великана, такое сухощавое греко-латино-немецко-французское дитя, у которого не останется ни ума, ни силы” (в наше время Шишкову пришлось бы ещё добавить и английский язык).

Не менее высоко ценили русский язык и писатели ХХ века. Вот что писал А. И. Куприн: “Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен”.

Кстати, и Куприн в эмиграции пользовался французским языком, значит, и ему было с чем сравнивать.

Оставил свой отзыв о русском языке и К. Г. Паустовский: “Нам дан во владение самый богатый, меткий, могучий и поистине волшебный язык”.

В. И. Вернадский считал язык душой народа, закодированным знанием о его прошлом и даже будущем. Как это созвучно с высказыванием английского журналиста, знавшего русский язык не хуже английского, участника I-й мировой войны в составе русской армии Роберта Вильтона: “Язык является культурным сокровищем и святыней народа, т. е. предметным воплощением высших духовных ценностей, нерушимым духовным достоянием, без которого человек (и народ) теряет своё лицо, при поругании которого народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным”.

Вильтон был переводчиком книги Н. А. Соколова “Последние дни Романовых”. В предисловии к своему переводу он написал: “Мы стремились быть точными и писать русским, а не современным газетным языком, ибо заполнить речь ненужными иностранными словами — значит прилагать руку к УБИИ-СТВУ родного языка — этого последнего нашего богатства”.

От того, как мы говорим, зависит судьба народа. В. Ю. Троицкий, доктор филологических наук, профессор, проследивает этапы этой зависимости: “Состояние речи — это состояние мысли; состояние мысли — это предпосылки поступков; поступки — это сущность поведения людей; сущность поведения людей — это судьба народа”.

О том, как тесно связан язык с судьбой народа, знали ещё древние римляне. Завоевав Галлию (теперешнюю Францию), они сменили названия населённых пунктов и стремились вытеснить друидизм.

Авторы 1917 года в России явно хорошо знали историю Древнего Рима. Например, в старинном русском городе Вятке не осталось ни одной улицы со старым названием. Они стали называться именами К. Маркса, Энгельса, Воровского, Володарского, Ленина и т. п. И сам город потерял своё имя. Вопреки многолетним усилиям вернуть его, пока это не удаётся. При том, что отнюдь не все жители России знают город Киров, а вот Вятку помнят многие.

Но вернёмся к Древнему Риму и вспомним Юлия Цезаря. В своей речи он стремился к монументальности и призывал всех избегать “умных оригинальностей”. Он писал: “Как моряк избегает подводных скал, так вы должны избегать не всем понятных слов”. Неизвестно, читал ли Пушкин эти слова великого государственного деятеля, но как они созвучны с тем, что он завещал всем нам: “Избегайте учёных терминов и старайтесь их перефразировать: это сделает вашу речь понятной малообразованным людям и полезно нашему младенствующему языку” (вспомним, что ЛИТЕРАТУРНЫЙ русский язык именно тогда и складывался).

Среди русских писателей, поэтов, мыслителей трудно найти человека, который не отразил бы в своих статьях, письмах и в художественных произведениях отношение к родному языку. Например, Ф. И. Тютчев в письме к князю Вяземскому назвал родную речь “залогом всего, что свято для души”.

Вдохновляет и единомыслие всех представителей русской культуры в вопросах языка. Если с высказываниями о языке Ломоносова, Пушкина, Тургенева мы знакомы давно, то И. А. Ильин стал доступен сравнительно недавно, поскольку при большевистской власти был под запретом. И вот что он писал: “Дивное орудие создал себе русский народ — орудие мысли, орудие душевного и духовного выражения, орудие устного и письменного общения, литературы, поэзии и театра, права и государственности — наш чудесный, могучий и глубокомысленный русский язык”. По мнению Ильина, язык вмещает в себя таинственным образом всю душу, всё прошлое, весь духовный уклад

и все творческие замыслы народа. Ильин считал, что по-русски можно выразить всё, что сказано на других языках. Его диапазон настолько широк, что может выразить и самую простую вещь, и самые сложные философские понятия; безысходное уныние и беззаветное веселье, едкий юмор и нежную лирическую мечту. Русский язык — это голос самой России. Он создавался народом веками; он “родился из всенародного стога и вздоха”. Само слово Россия выражает, по мнению Ильина, “что-то самое главное в нашей жизни: не территорию, не природу, не быт, не государство, но русский дух”. Слова из других языков, внедряемые в русский язык, или вновь придуманные слова, состряпанные чаще всего на греческой основе, Ильин называл “духовными убудками”. К ним он относил модернизм во всех его проявлениях и приводил конкретные примеры: символизм, футуризм, акмеизм и т. д.

Ильин считал необходимым изучение церковно-славянского языка — языка Православия, древних летописей, государственных актов и законов. А недопустимым, по его мнению, было изучение иностранных языков до того, как ребёнок заговорил связно и бегло на родном языке. Ильин придавал большое значение не только чистоте словарного запаса, но и звучанию слов, и интонационной мелодии речи (она сейчас искажается ничуть не меньше других её характеристик!). Он считал, что Г. Р. Державин (1743–1816), а вслед за ним А. С. Пушкин добились слияния русско-церковнославянского и русского языков. На этой основе сформировался русский литературный язык и вся русская культура.

Наверное, итогом высказываний Ильина о языке можно считать такую фразу: “Не любить язык, не блюсти его — значит не любить и не блюсти нашу Родину”.

Не менее сильно выразился и Д. С. Мережковский: “Язык — воплощение народного духа; вот почему падение русского языка и литературы есть в то же время падение русского духа. Это воистину самое тяжёлое бедствие, какое может поразить великую страну. Я употребляю слово БЕДСТВИЕ вовсе не для метафоры, а вполне искренне и точно... Для всех нас ПАДЕНИЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, может быть, и менее заметное, но несколько НЕ МЕНЕЕ ДЕЙСТВЕННОЕ СТРАШНОЕ БЕДСТВИЕ, ЧЕМ ВОЙНА, БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОЙНА, БОЛЬШЕ, ЧЕМ ГОЛОД”.

Не обошла своим вниманием вопросы, связанные с языком, и Марина Цветаева. Она высказалась в предисловии к книге князя Сергея Волконского “Мои воспоминания”. Несколько слов о его судьбе: вернувшись в Россию из эмиграции после Второй мировой войны, Волконский разделил судьбу многих эмигрантов: он был сослан в деревню Глушковы Котельничского района Вятской области. Там он преподавал в средней школе несколько предметов. Спустя более полувека о нём вспоминал один из его учеников, выросший до ректора вуза. Уважение и даже восхищение своим учителем он пронёс сквозь всю жизнь и считал учёбу у Волконского самой большой удачей своей жизни...

Но вернёмся к Марине Цветаевой. Вот её слова: “Думаю, в преподавательской деятельности князя Волконского в Советской России одна из главных его заслуг — чистота русской речи, беспощадное смывание чужеземной накипи”. Это писалось в 30-х годах XX века! Можно себе представить, какова была бы реакция Цветаевой, если бы она послушала, как говорят в России сегодня! Мыслимо ли сейчас смыть ту “чужеземную накипь”, которая усиленно внедряется в русский язык?! Внедряется именно потому, что искажение языка ведёт к гибели народа.

Как тут не вспомнить ещё раз слова Д. С. Мережковского: *падение русского языка — самое тяжкое бедствие, которое может поразить страну.*

В связи с этим вспоминается стихотворение А. А. Ахматовой, которое появилось в страшное для России время — в феврале 1942 года. Оно было опубликовано в газете “Правда”:

МУЖЕСТВО

*Мы знаем, что нынче лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова...*

И сразу же вслед за этими строками Ахматова говорит о языке:

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!..*

Что сказать сегодня о клятве Ахматовой? На этот вопрос можно ответить, идя по улице и прислушиваясь к речи прохожих, особенно молодёжи. Часто бывает просто непонятно, на каком языке они говорят.

А ведь Тургенев обращался к нам, говоря: “Берегите наш язык, наш прекрасный язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь умело с этим могущественным орудием: в умелых руках оно в состоянии совершить чудеса”.

Самое удивительное, что завещание Тургенева и клятва Ахматовой не выполняются даже искренними русскими патриотами. Слова-“ублюдки” (по выражению Ильина) так глубоко въелись в речь, что люди не задумываются о том, какое преступление они совершают против своей нации, употребляя все эти “фейки”, “лаки”, “офисы”, “саммиты”, “бренды” и пр., и пр., и пр. Особенно нестерпимо их слышать в устах уважаемых людей! К сожалению, это встречается очень часто.

К счастью, есть у русского языка и защитники.

Вот как выразила своё отношение к уродованию русской речи Лариса Сперанская:

*Когда любовь сменилась словом “секс”
И “бизнесом” — любимая работа,
Когда в карман дешёвый “шопинг” влез,
Нам за покупками ходить уж неохота.
Когда “ресепшеном” вдруг стали называть
Стол у дверей вахтёрши тёти Мани,
Когда зарплату перестали получать,
А только лишь — “бабло” и “мани”,
Когда понятия — **ДОСТОИНСТВО** и **ЧЕСТЬ**
На толстый кошелёк и “джип” сменились,
А **МУЖЕСТВЕННОСТЬ** вдруг и там, и здесь
Тихонько в “голубятню” превратилась...*

*Богатство творчества на тощій “креатив”
Вдруг почему-то сразу поменялось.
И тяжкого “хендмейда” кол забив,
Искусства рукоделья не осталось.
День выходной на “уикенд” сменив,
Мы не сидим за книгами любимыми,
И свой родной дар Коляды забыв,
Живём меж “хэллоуинов” с “валентинами”.
Мы терпим “толерантно” подлецов,
Меняем музыку на ритмы “клубных” танцев,
Теряем **РЕЧЬ**, **КУЛЬТУРУ**... и **ЛИЦО**,
Серебряная грязь и хлам у иностранцев.
Мы не заметили, как всё произошло...
На что мы самоцветы променяли?!
РОДНЫХ ТРАДИЦИЙ ЧИСТОЕ ЛИЦО —
Испачкали, забыли... и предали...*

Усилия исказить, а в будущем и уничтожить русский язык применялись уже давно, судя по тому, что писал Андрей Белый (1880–1934). В своей статье в журнале “Весы”, посвящённой засилью нерусских деятелей в литературе, он пишет: “Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек...”

Один из лучших русских писателей XX века Виктор Астафьев выразил свою озабоченность состоянием русского языка такими словами: “Жаль, что вопросы языка воспринимаются у нас как что-то, стоящее в стороне от главных вопросов жизни. Ох, заблуждение-то какое тяжкое и давнее!”

Более жёстко высказался на эту тему уже упоминавшийся русский учёный В. Ю. Троицкий. Он ставит такой диагноз: “Происходящее массовое повреждение русской речи в средствах массового тиражирования означает направленное деформирование основ национального самосознания”. Не только речи, а национального самосознания! Вдумайтесь в это!

Свой приговор происходящему искажению русской речи произнёс наш современник – писатель М. А. Чванов в произведении “Если не будете как дети...”. Он пишет о современной научной литературе, которая, по его мнению, “всё больше и больше пишется по принципу: чем более не по-русски, чем более непонятно, тем, мол, “учёнее” и “научнее”. Это даже не эсперанто, это калька с какой-то космополитической абракадабры. К тому же подобным образом легко прикрыть отсутствие истинной научной мысли”.

Говоря об отношении к русскому языку в России, нельзя обойти молчанием ещё одно издевательство над ним. Пройдите по старинному русскому городу Вятке (да и по любому другому из русских городов). Вятка находится далеко от западных границ России, ещё дальше от Англии и ещё дальше от США. В течении многих десятилетий город был закрыт для иностранцев, а сейчас если они и забредают сюда, то очень редко. Для кого, почему, зачем, по чьему приказу названы по-английски магазины, ателье, мастерские и т. п.?! Кому нужны английские названия?

А вот пример одного переименования: в середине XX века во вновь построенном доме был открыт магазин. Там продавался хлеб, и, соответственно, он был назван “Булочная”. Позднее там стали продавать и другие продукты, однако он оставался “Булочной” и по инерции, и в силу главного его назначения: снабжать хлебом жителей округи. И вот в начале 2020 года вывеска была заменена словом “Авокадо”. Правда, написано кириллицей. Такое бессмысленное переименование, такое издевательство над городскими традициями так возмутило некоторых жителей, что они стали бойкотировать этот магазин. К сожалению, их немного. Как – увы! – немного и тех, для кого чувство национальной принадлежности, желание сохранить русские традиции не являются отвлечёнными понятиями, для кого это жизненная необходимость, потребность, продиктованная любовью к своим предкам, сохранившим для них Родину вопреки катастрофическим событиям XX века.

Так что же с нами происходит? Права, видимо, Лариса Сперанская: “Теряем речь, культуру и лицо”. Мы предаём не только традиции, вставляя в свою речь английские слова, – мы предаём Россию.

Поражает то, что этим вирусом, искажающим лицо России, заражены не только представители “пятой колонны”, но и искренние, убеждённые патриоты. Примеры в доказательство этому можно встретить буквально в любом тексте СМИ, в любом выступлении в Сети. Один из самых досадных, грустных примеров – Н. С. Михалков. Убеждённый русский патриот, защитник интересов русского народа, борющийся с бесами, овладевшими страной, пользующийся уважением и любовью большинства жителей России, он постоянно использует в своей речи слова-“ублюдки”, по выражению Ильина.

Проблема сбережения родной речи существует не только в России. Например, есть она и во Франции. В отличие от России, французское правительство помогает патриотам своей страны бороться за чистоту французского языка. Там существует законодательство, которым установлен штраф за использование в речи иноязычных слов. А самое большое достижение французов в вопросах языка – это нахождение французских слов для любых технических терминов, которые появляются в английском языке в связи с развитием науки. Французы нашли соответствующие слова для компьютера, интернета, планшета, сайта и многих других.

Хочется завершить эту попытку достучаться до своих соотечественников в деле сохранения русского языка и своей Родины словами поэта, имя которого, к сожалению, не знаю: “Как родниковую течь, // нужно любить и беречь // русскую чистую речь!”